

Николай Гавриловичъ Чернышевскій¹⁾.

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

VIII. Смерть отца.

ежду тѣмъ, болѣзнь отца Н. Г.—ча съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе усиливалась. Докторъ Минкевичъ, хорошій знакомый Николая Гавриловича и Костомарова, постоянно слѣдившій за болѣзнию Г. И., извѣщалъ сына о положеніи больного, который по-прежнему продолжалъ заниматься дѣлами. Только тогда, когда Гаврииль Ивановичъ замѣтилъ, что на него сталъ вредно дѣйствовать крѣпкій чай,—онъ замѣнилъ его болѣе жидкимъ.

Въ 1895 г. сынъ пріѣхалъ въ Саратовъ къ отцу, чтобы доставить ему утѣшеніе въ болѣзни, принявшей опасный характеръ. Здѣсь Н. Г. прожилъ около полутора мѣсяца. Съ весны 1861 г. болѣзнь Г. И., какъ извѣщалъ Минкевичъ, принимала все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Г. И. съ трудомъ поднимался по лѣстницѣ, дыханіе иногда замедлялось, припадки сердцебіенія дѣлались все чаще и чаще. „Въ груди что-то не ладно,—должно быть, водянка со мной будетъ“, говорилъ Гаврииль Ивановичъ. Между тѣмъ, онъ работалъ по-прежнему неумоимо. Усиленные занятія, продолжавшіяся далеко за полночь, много вредили его здоровью, но больной и слышать не хотѣлъ совѣтовъ прекратить занятія.

Болѣзнь отца очень беспокоила Николая Гавриловича, и, вотъ,

¹⁾ См. „Русская Старина“ май 1912 г.

онъ обращается за совѣтомъ къ петербургскому доктору С. П. Боткину, который заочно прописалъ рецептъ и посоветовалъ сдѣлать лѣкарство для больного. Н. Г. по почтѣ прислалъ отцу и рецептъ, и лѣкарство. Послѣ нѣсколькихъ пріемовъ, лѣкарство оказало хорошее дѣйствіе на Г. И. „Какіе плохіе здѣшніе доктора“, говорилъ онъ короткимъ знакомымъ, „сколько я ни принималъ лѣкарствъ, прописанныхъ мнѣ ими, я ни разу не чувствовалъ облегченія; между тѣмъ, послѣ нѣсколькихъ пріемовъ лѣкарства Боткина, чувствую себя гораздо лучше“. Г. И. сообщилъ объ этомъ сыну, а тотъ—Боткину, который отвѣтилъ ему. „Если больной чувствуетъ себя хорошо послѣ пріема лѣкарства, то, значитъ, положеніе—безнадежное: онъ недолго проживетъ“. Этотъ отвѣтъ заставилъ Николая Гавриловича отправиться въ Саратовъ, на свиданіе съ отцомъ, у котораго онъ намѣревался пробыть мѣсяца полтора, но дѣла „Современника“ вынудили его уѣхать въ Петербургъ раньше, чѣмъ онъ предполагалъ. Никогда Н. Г. не разставался съ отцомъ такимъ грустнымъ, какъ въ этотъ разъ: онъ очень плакалъ, но никому не сказалъ о мнѣніи Боткина на счетъ болѣзни Г. И.

Послѣ его отъѣзда обнаружилось слѣдующее обстоятельство.

Когда Н. Г. пріѣзжалъ въ Саратовъ, то на другой день былъ у Г. И—ча по какому-то дѣлу полицеймейстеръ Познякъ. Познакомившись съ Н. Г., онъ высказалъ ему, что сынъ Позняка—большой почитатель его таланта—очень бы желалъ познакомиться съ Николаемъ Гавриловичемъ. Послѣ этого Познякъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ Чернышевскимъ. Когда же онъ узналъ о времени отъѣзда Н. Г. въ Петербургъ, то попросилъ взять съ собою и сына, такъ какъ имъ надо было ѣхать на одномъ и томъ же пароходѣ. Каково же было удивленіе Позняка, когда, пріѣхавъ къ Чернышевскимъ, онъ узналъ, что Н. Г. уже уѣхалъ изъ Саратова. О причинѣ участившихся пріѣздовъ полицеймейстера узналъ только Н. Д. Пыпинъ, и, при томъ совершенно случайно, отъ одного чиновника, служившаго въ канцеляріи губернатора. Оказалось, что передъ пріѣздомъ Н. Г—ча въ Саратовъ, губернаторъ получилъ конфиденціальное предписаніе, по которому было велѣно слѣдить за Чернышевскимъ и не давать ему заграничнаго паспорта.

Отецъ Н. Г—ча, по примѣру Скопина, имѣлъ обыкновеніе два, а иногда три раза, исповѣдываться въ году. Въ этотъ годъ, за недѣлю до Казанской, онъ пригласилъ къ себѣ духовника протоіерея И. И. Позднева, у котораго и исповѣдался. Послѣ совершенія таинства, Г. И. сказалъ: „Моя совѣсть теперь спокойна; я спокоенъ и потому, что мой сынъ—человѣкъ вѣрующій. Слава Богу! Теперь я готовъ идти на судъ Божій!“. 22 октября Г. И. былъ приглашенъ

на престольный праздникъ въ Казанскую церковь служить вмѣстѣ съ архіереемъ. Ключарь Полянскій былъ въ отсутствіи, и Гавріиль Ивановичъ исправлялъ за обѣдней его обязанности.

Надо знать, что нравы въ тогдашнемъ духовенствѣ были очень суровы, ключарь, слѣдившій за архіерейскимъ богослуженіемъ, сопровождалъ обычно свои распоряженія бранью, рѣзкими приказаніями, а иногда—пинками, щелчками и толчками; но Г. И. толково и мягко распоряжался всѣмъ, такъ что духовенство никогда такъ спокойно не служило, какъ тогда, и, потому, радовалось отсутствію Полянскаго. Священникъ Казанской церкви, Федоровскій, по окончаніи службы, пригласилъ къ себѣ на пирогъ всѣхъ служившихъ, вмѣстѣ съ архіереемъ.

Домой пріѣхалъ Гавріиль Ивановичъ довольный, веселый и очень оживленный. Вечеромъ онъ много работалъ: писалъ особое мнѣніе для архіерея и рапортъ, или, какъ тогда говорили, „репортъ“. На другой день, утромъ онъ отказался отъ чая, предложеннаго Пыпиными, такъ какъ намѣревался отстоять обѣдню въ новомъ соборѣ, на Іакова, брата Господня; сказалъ, что служить самъ не будетъ. Отдавъ приказаніе заложить лошадь, Г. И. сталъ читать бумаги, присланныя ему изъ консисторіи, какъ благочинному.

„Николай Дмитріевичъ! Александра Егоровна! Пожалуйста сюда: я вамъ прочитаю указъ. Какъ теперь распространяется образованіе! Даже дѣтей арестантскихъ, и то учатъ. А въ наше-то время, когда мы учились, очень мало было даже умѣющихъ читать!“ проговорилъ онъ. Послѣ того сталъ читать указъ Саратовской консисторіи священнику тюремнаго замка, Терновскому; вдругъ голосъ его оборвался, голова склонилась въ кресло. Когда Пыпины подошли къ нему,—Г. И. былъ уже мертвъ. Велѣли кучеру ѣхать за докторомъ Минкевичемъ, но почти около самага дома попадается другой докторъ, Козловскій; ему оставалось только констатировать смерть. Пріѣхалъ Минкевичъ, сдѣлалъ проколы на обѣихъ рукахъ: изъ ранки одной руки выступило нѣсколько капель крови, а изъ другой—ничего.

Дѣлать было нечего. Стали готовить тѣло къ погребенію. Когда его обмывали,—на многихъ частяхъ тѣла увидѣли пластырь.

Внезапная смерть любимаго пастыря, въ связи съ ходившими по городу слухами о наблюденіи за Николаемъ Гавриловичемъ, такъ поразила саратовцевъ, что молва причиною смерти Г. И. выставила сына. На самомъ дѣлѣ, Гавріиль Ивановичъ умеръ 22 октября 1861 г., а арестъ Н. Г. былъ 7 іюля 1862 г. На похоронахъ было народу такъ много, что переполнился не только

весь Новый соборъ, гдѣ происходило отпѣваніе, но даже и соборная площадь была полна народомъ.

О смерти Гавриіла Ивановича послали телеграмму родственнику Чернышевскихъ, Терсинскому, который и передалъ Николаю Гавриловичу о печальномъ событіи.

IX. Ссылка.

Событія шли. Слухи объ арестѣ Чернышевскаго, уже давно ходившіе въ обществѣ, стали переходить въ дѣйствительность. Объ этомъ происшествіи сохранился рассказъ самой Ольги Сократовны.

Зная, что Николая Гавриловича арестуютъ, она не измѣняла своего образа жизни и по-прежнему часто бывала въ театрѣ.

„Ты, вѣроятно, голубушка, меня не любишь, когда такъ дѣлаешь“, сказалъ какъ-то Н. Г.

— Я тебя не только теперь, но и никогда не любила, отвѣтила ему въ тонъ Ольга Сократовна. „Послѣ ареста про меня говорили, что я нисколько не горевала. Да, я уже привыкла къ горю: два года собирались его арестовать. Конечно, никто мнѣ не повѣритъ, что я уѣзжала изъ театра домой, чтобы выплакаться, а затѣмъ опять занимала мѣсто въ театрѣ. Но кому какое дѣло до нашей жизни? Любила ли я его, или нѣтъ,—объ этомъ знаемъ только онъ да я.—Я знала это (т. е., неизбежность ареста) и примирилась со своимъ положеніемъ. Зная, что его арестуютъ, Н. Г. отправилъ меня изъ Петербурга съ дѣтьми въ Саратовъ, чтобы дѣти не перепугались“.

Николая Гавриловича взяли изъ дома Эсаулова. Впослѣдствіи О. С. ѣздила въ Сибирь къ своему мужу. Поѣздка была ужасная: приходилось ѣхать съ жандармомъ, который былъ почти всегда пьянъ. Только сильная любовь могла заставить Ольгу Сократовну совершать такое путешествіе ¹⁾).

Саратовцы не могли понять, за что арестовали Николая Гавриловича. Всѣ знавшіе его отзывались о Чернышевскомъ самымъ лестнымъ образомъ: „Никогда мы не знали такой высокой нравственности человѣка, какъ Николай Гавриловичъ. Никого онъ не обижалъ, не оскорблялъ, никому никогда не навязывалъ своихъ убѣжденій. Если онъ излагалъ свои мысли въ романѣ „Что дѣлать?“, то этимъ онъ какъ бы оправдывалъ и защищалъ Ольгу Сократовну“.

¹⁾ Сообщение мнѣ Г. Г. Дыбова, лично знакомаго съ О. С. Чернышевской.

Такъ говорили саратовцы. Духовные и свѣскіе, знавшіе Гавріила Ивановича и Николая Гавриловича, не вѣрили уже совершившемуся факту. Когда же окончательно стало извѣстно, что ссылка—фактъ, не подлежащій сомнѣнію, то саратовцы объяснили это событіе по-своему: они нисколько не осуждали, а оправдывали Н. Г. Типичнымъ выразителемъ такого мнѣнія былъ дьяконъ Сергіевской церкви, Я. Ѡ. Подольскій, знавшій Николая Гавриловича съ семилѣтняго возраста. Теперь дьяконъ уже отошелъ въ вѣчность, но многіе саратовцы девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія помнили его рассказы о Чернышевскомъ. Рассказъ этотъ, прекрасно характеризующій отца и сына Чернышевскихъ, передается со словъ И. Н. Виноградова, который дополнялъ иногда свѣдѣнія Подольскаго.

„Прочиталъ я газету,—диву дался, самъ читаю и перечеитываю ее нѣсколько разъ и не вѣрю этому. Ночи не сплю,—точно родной сынъ; стану забываться, а Н. Г. и представится мнѣ въ кандалахъ, смиренный, ласковый да веселый. И сны страшные такъ и лѣзутъ въ голову. Сколько ни ломалъ голову, а не могу понять, какъ сіе произошло. Куда ни придешь,—спрашиваютъ: вѣрно ли, что Н. Г. сосланъ въ Сибирь? Говорю и утверждаю, но самъ не вѣрю. Вамъ нельзя знать того, какъ Николай Гавриловичъ воспитывался, а я по дѣламъ службы чаще другихъ бывалъ въ домѣ Гавріила Ивановича, и знаю и отца, и сына. Нашъ другой священникъ, Я. Я. Снѣжницкій, скажу по совѣсти, прекрасный человекъ и даже болѣе снисходительный, чѣмъ Г. И., но я не имѣю такихъ чувствъ къ нему, какъ къ Г. И. И съ нимъ служишь не съ такимъ рвеніемъ и благоговѣніемъ, съ какимъ служишь съ Гавриломъ Ивановичемъ.

Добрый былъ человекъ! Примѣрной жизни былъ человекъ! Даже накажетъ не со злобою. Помните причетниковъ Леопольдова и Протасова? Выпили они гдѣ-то,—мало показалось; въ трактиръ пошли. „Тамъ можно“, говорятъ, „послушать музыку“. И напились же они тамъ! А пьяному, вѣдь, и море—по колѣно, и, ну, дебоширить! Перебили стекла, отколотили половыхъ. Ихъ, голубчиковъ, и отправили въ часть. Узнали жены ихъ,—подняли вой,—знали онѣ, что имъ не сдобровать: ихъ исключили бы изъ духовнаго званія и отдали бы подъ судъ,—и (отправились) къ о. протоіерею. „Не погубите“, просятъ онѣ за мужей, „ваше высокоблагословеніе, ради дѣтей“! — „Хорошо“, говорятъ онѣ, и отпустилъ, обнадеживъ ихъ.

Пріѣхалъ къ Г. И. полицеймейстеръ, рассказалъ о нихъ. „Какъ хотите поступить съ ними“, говоритъ ему полицеймейстеръ.

Гавріиль Ивановичъ отвѣчаетъ: „Прошу васъ, не давайте хода этому дѣлу“.

— „Извольте“, говоритъ онъ, „какъ хотите, такъ и сдѣлаю“.

Уважало его все начальство. Г. И. и говоритъ ему: „Я раздѣлаюсь съ ними самъ своимъ судомъ“.

И раздѣлался, да какъ! Приходятъ Леопольдовъ и Протасовъ къ нему,—и бухъ ему въ ноги: „Помилуйте“, говорятъ, „ваше высокоблагословеніе“!

— „Вставайте“, говоритъ Г. И., „я—не Богъ: просите у Него прощенія“. И началъ говорить имъ, да усовѣщевать ихъ. Не дрался онъ, но тутъ дураковъ наказать было нужно. Скажетъ да оттаскаетъ ихъ за косы. „Духовенство“, говоритъ, „должно быть свѣтильникомъ для міра, а вы только черните духовенство... Заставили меня взяться не за свое дѣло“. Оттаскалъ, а послѣ того вынулъ изъ кармана свою гребенку и говоритъ: „На, причешись! Это—затѣмъ, чтобы не всклокочены были волосы“. Любилъ порядокъ во всемъ.

Послѣ-то Леопольдовъ и говоритъ мнѣ: „знаешь что, о. дьяконъ? Въ училищѣ насъ, бывало, пороли,—о-охъ! Какъ больно! Розогъ по пятидесяти, по сту, бывало, всыпятъ или оттреплютъ за волосы. Послѣ того, бывало, больно озлишься на учителя, такъ бы и отколотилъ его. А Гавріилъ Ивановичъ, нельзя сказать, чтобы сильно трепалъ, а, вѣдь, для сердца-то больнѣе было,—и не чувствуешь къ нему никакой злобы: знаешь, что онъ отъ бѣды тебя избавилъ. А какъ станешь пить водку, такъ и вспомнишь, какъ Г. И. трепалъ за волосы: пьешь, да остерегаешься, какъ бы не напиться“.

Покойный протоіерей Вязовскій,—дай Богъ царство ему небесное,—любилъ повеселиться: и въ карточки поиграть, и выпить, хотя и немного, и пристанетъ, бывало, къ нему: „Пойдемъ“, говоритъ, „Гавріилъ Ивановичъ, ко мнѣ: у меня гости будутъ“ (Они говорили другъ другу *ты*: родственниками приходились; кромѣ того, Вязовскій и крестилъ, и вѣнчалъ Николая Гавриловича).

— „Некогда“, скажетъ ему Г. И., „у меня дѣло есть“, и не пойдетъ, какъ тотъ ни упрашиваетъ.

— „Дѣло“, говоритъ Вязовскій, „не медвѣдь: въ лѣсъ не уйдетъ, успѣешь сдѣлать“.

— „У насъ“, говоритъ Г. И., „въ консисторіи, все возможно: и въ лѣсъ уйдетъ“.

Рѣдко, рѣдко бывало, Вязовскій да затащить къ себѣ Гавріила Ивановича,—такъ раза три, два въ годъ. Въ карты поиграетъ, а до водки и не дотрогивался. Въ гости—некогда, а отъ работы никогда не отказывался. Всѣ преосвященные давали ему дѣла для рѣшенія и совѣтовались съ нимъ. Трудное какое дѣло,—къ нему; никто не знаетъ, какъ сдѣлать, а онъ сдѣлаетъ. Все зналъ, все видѣлъ, какъ и что сдѣлано. Благоразумный человѣкъ, да прозор-

лявій. Увидитъ человѣка, и скажетъ, какъ онъ жить будетъ. „Такой-то долго прослужитъ“, скажетъ, „а такой-то—недолго“. Впередъ узнавалъ, что случится съ человѣкомъ. Скажешь, бывало, „такой-то чиновникъ получилъ хорошее мѣсто, и все начальство его уважаетъ и къ наградѣ представило“. А Гавріилъ Ивановичъ въ отвѣтъ: „Ну, этотъ недолго усидитъ на мѣстѣ“. И точно, смотришь, черезъ два, три года и слетѣлъ съ мѣста. А о другомъ скажутъ: „Не пойдетъ далеко“. Гавріилъ Ивановичъ выскажетъ и свое мнѣніе: „Этотъ надъ своими начальниками начальникомъ будетъ“,—и сбывалось. За это и уважали его всѣ преосвященные. Когда онъ ѣздилъ съ преосвященнымъ въ Пензу, то послѣ-то преосвященный смѣялся: „Тебя, Гавріилъ Ивановичъ, приняли лучше меня: смотри, какъ они обрадовались тебѣ!“ Преосвященный Аванасій имѣлъ обыкновеніе, если ему что-нибудь не понравится, называть дуракомъ. Это у него вошло въ привычку. Изъ всѣхъ священниковъ Саратовской епархіи только Чернышевскаго да Вязовскаго не называлъ дураками. Особенное уваженіе питалъ къ нимъ. Другіе бы уваженіемъ преосвященныхъ воспользовались. Знаете сами, какія состоянія нажили себѣ другіе члены консисторіи, и дома-то у нихъ—настоящіе дворцы, у господъ такихъ домовъ нѣтъ. У Гавріила Ивановича—ничего. Жена-то его, покойница, во всю-то жизнь на похороны себѣ скопила триста рублей, а онъ и того не скопилъ. Гдѣ ему скопить? Увидитъ бѣднаго причетника или дьякона, и дастъ ему. На похороны онъ оставилъ 280 руб., и то—изъ четырехсотъ рублей, которые ему прислалъ сынъ. Другой бы на его мѣстѣ что нажилъ себѣ, страсть! Губернаторы,—и тѣ благодарности брали! У откупщиковъ прямо выводилось въ расходъ: губернатору — столько-то; другимъ — столько-то, и никто не считалъ это за взятки, а за благодарность и уваженіе къ властямъ. Время такое было. Бывало, кто пріѣдетъ изъ села,—даетъ всѣмъ консисторскимъ, и думаетъ, что и Гавріила Ивановича ублажить можно.

Перешелъ изъ села въ Саратовъ священникъ П.,—хорошій человѣкъ былъ Г. И. и посоветовалъ преосвященному перевести его сюда. П. въ благодарность за это и пришли Гавріилу Ивановичу головку сахару, а послѣ того и самъ пришелъ благодарить его. Принялъ его Г. И. ласково, поговорилъ съ нимъ, а какъ П. сталъ уходить отъ него, Г. И. и говоритъ ему: „У меня головка сахару есть: это—вашимъ дѣтямъ“. Тотъ было не хотѣлъ брать, а Г. И. такъ посмотрѣлъ на него, что П. со стыдомъ взялъ, да и понесъ домой.

„Другу и недругу закажу носить что Гавріилу Ивановичу“, го-

ворилъ онъ потомъ. Некорыстный человѣкъ былъ. Настоящій безсребренникъ!

Гдѣ храмовой праздникъ,—туда Гавріила Ивановича приглашаютъ служить и всенощную и обѣдню. Другимъ даютъ по пятишной, а ему—полфунтика чаю,—за всю ту службу. Теперь простой священникъ не пойдетъ служить дешевле трехъ рублей, а онъ—ничего, благодарить, и скажетъ: „Зачѣмъ это вы мнѣ даете?“. А преосвященнымъ за службу тогда рясы подносили.

И не было ему *равнаго* человѣка, съ кѣмъ бы онъ могъ по душѣ поговорить.

И простой же человѣкъ былъ! Нынѣшніе протопопы-то какъ франтятъ: въ енотовыхъ шубахъ ходятъ, а Г. И.,—и ученый былъ, и великаго ума, да и то на бѣличьемъ мѣху рясу-то носилъ. Не на что хорошую шубу-то купить.

Въ то время всѣмъ поперекъ горла сталъ Поповъ, секретарь консисторіи. Взятку бывало возьметъ, да и проситъ Г. И.—ча подписать бумагу. Г. И. и говоритъ, что это—не такъ, другое—не такъ, третье — не этакъ. Тотъ, бывало, сказывали консисторскіе-то, подождетъ хвостъ и пойдетъ, не солоно хлебавши, и сердится на Г. И. „Мѣшаетъ“, говоритъ, „дѣло дѣлать“. А какое дѣло? Взятку взялъ, а Г. И. и видитъ это (отъ него не укроешься), да и велитъ рѣшить дѣло по совѣсти, да по справедливости. Не вѣрили, чтобы онъ приношеній не бралъ. Іезуитомъ называли его, и хитрымъ, и тихоней-то. Онъ изъ-подъ тишки ловитъ шишки. Стали шептать преосвященному Іакову, что онъ взятки беретъ, да больно умѣетъ концы въ воду прятать, а недавно-то съ Кабанова взялъ большія деньги. Повѣрилъ было такому наговору преосвященный, да велѣлъ негласное дознаніе произвести. И осрамилъ же себя!

А дѣло было такъ. Приходитъ къ Г. И. одна женщина и говоритъ ему: „Кабановъ многихъ обратилъ въ поморскую секту, и меня принуждаютъ перейти въ расколъ. Завтра хотятъ и крестить“. Ей не хотѣлось переходить въ другую вѣру. Г. И. распросилъ все и поѣхалъ къ полицеймейстеру. Емельянову. Хорошій человѣкъ былъ Емельяновъ и съ Гавріиломъ Ивановичемъ знакомъ былъ домами. Г. И. и говоритъ Емельянову: „Прошу васъ, исполнить мою просьбу“.

— „Извольте“, говоритъ Емельяновъ, „съ большимъ удовольствіемъ“.

— „Назначьте мнѣ пристава съ солдатами въ мое распоряженіе“.

— „Извольте, но зачѣмъ это вамъ, Г. И.?“

— „Нужно“, отвѣчаетъ онъ.

— „Отчего же вы не скажете?“

Такъ и не сказалъ ему Г. И., какъ тотъ ни приставалъ къ нему.

На другой день полицеймейстеръ прислалъ къ Г. И. пристава съ полицейскими. Г. И. рассказалъ ему, зачѣмъ пригласилъ его. „Сегодня“, говоритъ, „въ одиннадцать часовъ утра въ саду Кабанова должно происходить крещеніе женщины. Такъ я хочу изловить раскольниковъ на мѣстѣ преступленія. Можно ли?“

— „Понятыхъ нужно“, отвѣчаетъ ему приставъ, „я схожу въ часть и сдѣлаю распоряженіе“.

А Гавріилъ Ивановичъ пригласилъ ужь понятыхъ: нѣсколько мѣщанъ и купцовъ изъ своего прихода, да велѣлъ прійти двумъ иподьяконамъ съ двумя дьячками. Такъ и не пустилъ пристава въ часть. Зналъ онъ, что раскольники для полицейскихъ—самая доходная статья, и подумалъ, что приставъ намѣревался извѣстить хозяина сада, Кабанова, завятаго раскольника. Теперь этого сада и слѣду нѣтъ, а тогда тамъ (да и по всему берегу Волги, отъ Бабушкина взвоза до Краснаго Креста, тянулись сады) былъ большой садъ¹⁾, съ плодовыми деревьями, а по краямъ сада росъ виноградъ. Въ срединѣ сада находился прудъ; по одну сторону пруда, къ Волгѣ была большая молельня съ нѣсколькими кельями, въ которыхъ жили расколичьи начетчицы со своими воспитанницами.

Когда пришли къ саду, Г. И. съ полицейскими сталъ у воротъ, а иподьяконы съ понятыми и дьячками со стороны Волги перепрыгнули черезъ заборъ и спрятались въ виноградникѣ. Приставъ потребовалъ отпереть ворота. Отворили, и вошли всѣ. Въ это время изъ молельни къ пруду выходила процессія: женщина, что приходила къ Гавріилу Ивановичу, и двѣнадцать дѣвокъ были одѣты въ бѣлыя сорочки, у каждой въ рукѣ—по свѣчкѣ. И пошъ съ причтомъ шелъ съ ними. Всѣхъ раскольниковъ накрыли и забрали. Приставъ составилъ актъ, и молельню закрыли.

Умно и ловко сдѣлано было. И рассказали правду преосвященному Іакову. Больно любилъ преосвященный тѣхъ, что ловили раскольниковъ. Какъ услышитъ что о раскольникахъ,—сейчасъ—бумагу полиціи,—изловить, дескать, раскольниковъ. Ухъ, какъ преслѣдовалъ раскольниковъ! Іаковъ тогда и наградилъ Гавріила Ивановича за это. Доносъ-то на него и вышелъ не въ поношеніе или осужденіе, а въ прославленіе Г. И.

¹⁾ Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ находится домъ Рейнеке и его паровая мельница со многими пристройками.

Прежде дьячковъ да дьяконовъ каждый годъ экзаменовали благочинные, знаютъ ли они катихизисъ и богослуженіе. Г. И., бывало, и назначалъ имъ являться для экзаменовъ въ среду, четвергъ, пятницу и субботу. Онъ зналъ, что въ это время нашъ братъ неумѣренно предается водкопитію. Но какъ явиться къ благочинному въ пьяномъ видѣ на экзаменъ? Поневолѣ не пьютъ, а Г. И. заставитъ и на другой день явиться. Иной разъ явится какой-нибудь дьячокъ, выпивши, а Г. И. объясняетъ ему изъ закона Божія или заставитъ подождать, а у него и хмель пройдетъ. Вотъ, какъ заботился о духовенствѣ.

Гавріилъ Ивановичъ женился на Евгеніи Егоровнѣ, когда ей было четырнадцать лѣтъ, и два года жилъ съ нею, какъ съ сестрой, а не какъ съ женой: онъ и не касался ея. А когда ложился съ нею спать, то всегда приноравливалъ передъ банею, чтобы послѣ того быть чистымъ.

Нынѣ вездѣ все облагорожено, а прежде, бывало, начальство обругаетъ тебя, а ты долженъ благодарить его. Но Г. И. и прежде обращеніе имѣлъ благородное.

Г. И. много лѣтъ былъ благочиннымъ; много всякихъ бывало людей у него подъ начальствомъ, но никогда онъ не обидѣлъ никого ни словомъ, ни дѣломъ. Всѣ были довольны имъ, и благодарили его.

Примѣрной, безукоризненной жизни былъ человекъ. И подражать-то ему нельзя. Рай на землѣ былъ бы, если бы всѣ такъ себя держали. Обращеніе со всѣми—отеческое. Всѣ шли къ нему за совѣтомъ, какъ къ отцу родному,—свободно: правы, или неправы, и открывали ему всю правду, безъ утайки. Всѣмъ дасть совѣтъ и наставленіе, какъ и что сдѣлать; и скажетъ такъ хорошо, что сдѣлаешь поневолѣ. „Если бы я такъ сдѣлалъ, то я бы на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ, вотъ, что“,—обычно совѣтовалъ онъ приходившимъ къ нему.

Великой учености былъ человекъ. Всѣхъ семинарскихъ профессоровъ за поясъ заткнетъ. Разъ преосвященный сказалъ монаху Моисею (Миртовскому, — ученый человекъ былъ): „Амвросій Медиоланскій называлъ Цицерона смердящимъ псомъ за одно то, что Цицеронъ допустилъ такое выраженіе: „если іудейскій народъ считается народомъ презрѣннымъ, то и Богъ ихъ достоинъ презрѣнія“. „Откуда бы узнать, гдѣ отыскать это мѣсто у Цицерона“?

— „Въ семинаріи—нѣтъ; только у Гавріила Ивановича можно найти всѣхъ классиковъ“, отвѣчалъ Миртовскій. И точно, только у него и нашли.

Про Г. И. и жену его справедливо говорили, что два ангела соединились. Мать его (т. е., Николая Гавриловича) была умна, тиха и скромна; кромѣ того,—богомольная женщина ¹⁾).

И, вотъ, теперь сына Г. И. сослали въ Сибирь! Сынъ-то, вѣдь, какой былъ! Это—поразительное дѣло! злые люди могли только устроить эту ссылку.

А. А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Части разсказа въ бумагахъ Ф. В. Духовникова нѣтъ.